

1. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch, Heidelberg, 1979.
2. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft, Stuttgart, 1983.
3. Holius G., Metzeltin M., Schmitt Ch. Lexikon der Romanistischen Linguistik, Tübingen, 1988.
4. Филли Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 189.
5. Müller B. Das Französische der Gegenwart, Varietäten, Strukturen, Tendenzen, Heidelberg, 1975.
6. Hinrichs U. Gesprochenes Slavisch und slavischer Nonstandard // Zeitschrift für slavische Philologie, 1992. Bd 52, Hf 11.
7. Хомяков В. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // ВЯ. 1992, № 3.
8. Lehfeldt W. Zum Stand der Erforschung der nichtstandardsprachlichen Existenzformen des Russischen // Die Welt der Slaven, 1991. Jg. XXXVI, 1 – 2.
9. Jachnow H. Substandardsprachliche Varianten des Russischen und ihre linguistische Erfassung // Die Welt der Slaven, 1991. Jg. XXXVI. 1 – 2.
10. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика/Russistik, 1993, № 2.
11. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. P., 1986.
12. Quirk R. et al. A comprehensive grammar of the English language. L.; N.Y. 1985.
13. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973.
14. Jedlička A. Spisovny jazyk v současné komunikaci, Praha, 1978.

З. Кёстер-Тома

Иванова В.Ф. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1991 год. 192 с.

В кругу лингвистических дисциплин место орфографии определилось вполне отчетливо: она разрабатывает те правила преобразования устной речи в текст, которые призваны поддержать только одно из возможных написаний, признаваемое нормативным. Видимо, явная прагматичность такой задачи предопределила устойчивый взгляд на орфографию как на сугубо прикладную область лингвистики. Многочисленные учебные пособия дидактико-регламентирующего типа заметно укрепляют это мнение.

В реальности, однако, орфография – средоточие глубинных языковых закономерностей, адекватностью которых проверяются на прочность действующие орфографические правила. Именно с такой позицией написана и эту позицию проясняет рецензируемая монография В.Ф. Ивановой, в которой проблемно и содержательно раскрыты условия формирования орфографических ситуаций, объем и природа орфограмм, взаимодействие принципов правописания, по-разному регулирующих выбор одного из конкурирующих знаков.

Подобную тематику В.Ф. Иванова разрабатывает достаточно давно. В ее новой книге воспринимается как узнаваемое: об-

щая структура анализа с органичным переплетением проблем графики и орфографии; наконец остается неизменной исходная позиция автора – последовательного сторонника Ленинградской фонологической школы (ЛФШ), чьи идеи экстраполируются ею в область фонемографии.

Чем же в таком случае оправдано появление этой книги?

Прежде всего тем, что в ней обобщен опыт теоретического осмысления русского письма за последнее двадцатилетие. Пожалуй, ни одна серьезная публикация не осталась незамеченной. Поэтому библиографические списки, сопровождающие все разделы книги, приобретают самостоятельную ценность и, несомненно, привлекут внимание специалистов (см. с. 34–35, 76, 128–129, 144, 159, 164, 166, 167, 173–174, 191).

Рецензируемую книгу делает актуальной последовательно реализованное стремление объективно и доказательно прояснить терминологические разночтения – неизбежное следствие двух разных подходов к понятию фонемы, точнее к тому, как обобщаются в фонему звуки слабых позиций. Оставаясь верной идеям ЛФШ, В.Ф. Иванова предлагает развернутую интерпретацию взгля-

дов ее оппонентов, что позволяет читателю книги подняться "над схваткой" и определить свой собственный подход к пониманию действующих принципов правописания. В ранее опубликованных работах В.Ф. Иванова уже делала акцент на известной искусственности сложившегося противостояния. В новой книге мысль о том, что в этих теоретических подходах "больше сходства, чем различия", выражена еще более решительно: "Истоки расхождения сосредоточены в терминологическом определении одного и того же объективно существующего явления. Объективно, в самом языке, существуют чередование звуковых единиц: /о/ чередуются с /а/; /б/ чередуется с /п/; в/б/ды | в/а/дъ; д/б/бы | д/у/п/ и т.п. Это чередование звуковых единиц называется, по ЛФШ, чередованием фонем, а по МФШ, эти чередующиеся звуковые единицы считаются одной и той же фонемой, а именно фонемой /о/ и фонемой /б/. Отсюда уже идет расхождения в формулировке ведущего принципа русской орфографии" (с. 155). Достаточно четкая экспликация основного узла противоречий позволяет читателю книги не потеряться в лабиринте противоречивых мнений и оценок (см. [1]).

Особый интерес к книге возникает еще и потому, что в ней ощущается обостренное внимание к практике нашего письма. Автор обнажает "белые пятна" современной орфографии, намечая пути усовершенствования действующих правил. Тщательно взвешиваются доводы специалистов и факты практического письма, критически оценивается проект 1964 г., не получивший поддержки, хотя ряд предложений в нем отличался продуманностью и серьезностью (с. 185–189). И вполне понятна апелляция к Орфографической комиссии, которая должна активно включиться в работу по улучшению нашего письма, тем более, что «нового, не охватившего "Правилами..." 1956 г., сейчас накопилось много, и перед языковедами стоит задача – обобщить и осмыслить новый орфографический материал» (с. 190)¹.

Добавим к сказанному, что книга привлекает не только многоаспектной информативностью, но отличается простотой и убедительностью изложения даже самых трудных теоретических проблем, продуманностью и научной выверенностью каждого выдвинутого положения. Полезны вклю-

ченные в описание небольшие, но емкие исторические экскурсы.

Некоторую неудовлетворенность вызывает решение только одного, правда центрального для этой работы, вопроса о характере отношений между графикой и орфографией. Описываются они расчлененно, в двух развернутых разделах (§ 1–11 и 12–30). Однако в фонемографическом (звукобуквенном) письме графические и орфографические правила используются совокупно. Как пишет В.Ф. Иванова, "...отграничение собственно орфографического материала от неорфографического" (с. 8) должно стать ведущей исследовательской задачей. Ей вполне отвечает исходное представление об орфографии, чье действие автор справедливо ограничивает только написаниями, "где перед пишущим стоит задача выбора буквы" (с. 6). Прояснен этот факт корректно и точно: в слове *волна* оценивается как орфограмма только вторая буква, остальные четыре орфографическим правилам не подконтрольны (с. 6); знак пробела в словосочетаниях типа *наступила осень*, *яркий свет* тоже выводится из области орфографии, поскольку морфемная граница осознается здесь без каких-либо колебаний (с. 7). Там, где автор последовательно опирается на идею принудительности или избираемости знака, удаётся точно разграничить графическое и орфографическое. Совершенно обосновано выведены за рамки орфографических правил обозначения исторически чередующихся звуков, буква для которых не выбирается. Ср.: *бегу – бежишь*, но *бег*; *сбросит* – *сбрасывать*, но *бросать* и т.п. И становится совершенно очевидным, что в подобном случае оценка безальтернативно избираемых букв *г-ж*, *а-о* никак не может влиять на понимание принципов правописания (с. 111, 151). Написания типа *храм*, *пол* часто подводились под действие фонетического принципа, тогда как в реальности каждый их знак тоже избирается по правилам графики (с. 158–159). Отстаивая подобный подход, В.Ф. Иванова решительно возражает против *п с е в д о о р ф о г р а м м*, то есть таких написаний, которые, будучи безальтернативными, ошибочно аттестуются как орфограммы. Достаточно много их, к сожалению, в школьном учебнике, где при решении орфографических задач нередко встречаются слова типа *мен..ше*, *воз..му*, *ра..весной*, *бе..жнерный* и под., хотя буквы *ь* и *з* в них подконтрольны только

¹ Эта задача конкретизируется в статье В.Ф. Ивановой (см. [2]).

графике. Тревожное следствие этого – расшатывание границ между графикой и орфографией, чего не следует допускать.

Весь этот проблемный комплекс, важный как теоретически, так и практически, требует серьезной и убедительной мотивации, которая вряд ли возможна без тщательного разработанного представления о г р а ф е - м е – минимальной единице письма, отличающейся тождеством значения и/или функции. Дело в том, что буква, способная реализовывать разные звуковые значения и выполнять разные функции, – плоской инструмент для такого анализа. В ней нужно видеть только означающее графемы, одной или нескольких. Именно графемы, а не буквы – непосредственные объекты правил, разрабатываемых графикой или орфографией. В.Ф. Иванова эти единицы синонимизирует. Ср.: "Название буквы – это название графемы, точнее название графемы – это название буквы" (с. 19); также в заголовках: "Современные названия русских букв (графем)" (с. 20), "Соотношение между буквами (графемами) и звуками (фонемами)" (с. 36). Такой подход не побуждает к уточнению представлений о графеме. В книге не разграничены понятия о значении и функции буквы. Говорится, например, о функции букв обозначать "йот + гласный" (с. 24), но это одно из звуковых значений букв типа я; указывается на "смягчающее" значение тех же букв после согласных (с. 40), но это, наоборот, функция сигнала о качестве соседа слева; утверждается, что "с исчезновением слабых глухих гласных... ъ и ь получили иное значение" (с. 16), что буква ь является двузначной, поскольку она имеет две функции (!), а буква ъ однозначна: она имеет только значение (?) "разделительности" (с. 49). Остается непонятным, как можно обнаружить звуковое значение у букв, которые звуков уже не обозначают. Заметим попутно, что "метафорические" наименования букв как "гласных", "согласных", "шипящих" тоже мешают объективировать реальные значения графем, дезориентируя читателя. Соответствующие оговорки автором делаются (с. 21–22), но сама она тем не менее широко такими названиями пользуется.

Правильное представление о графеме объясняет ее реализацию на разных основаниях и в разных ипостасях – безальтернативно, принудительно, как г р а ф о -

г р а м м ы и альтернативно, избирательно, как о р ф о г р а м м ы (на эти идеи, разрабатываемые Л.Б. Селезневой, сочувственно ссылается В.Ф. Иванова, с. 115, 158–159). Именно в кругу этих понятий устанавливается демаркационная линия между графикой и орфографией.

Безальтернативно употребляемые знаки в соответствии с традицией рассмотрены в книге с позиций слогового принципа (§ 5), однако значения и функции букв, системно реализующиеся в этих ситуациях, описываются почему-то в изоляции от проясняемых правил (§ 6, 7, 11). Заметим, что аттестация букв как "смягчающих" и "несмягчающих" создает неверные ассоциации в отношении качества согласных звуков, которое якобы меняется под влиянием букв-соседей; неверно оценить сегодня буквы типа я как йотованные (йотированные): графический элемент, предназначенный для обозначения йота, в них отсутствует.

Наконец, неубедительны основания, по которым в этой главе рассмотрены явно орфографические ситуации – конкуренция букв после шипящих и /ц/, букв е–э после твердых согласных и в начале слов, внесистемное обозначение йота в словах – заимствованиях (§ 9, 10). Автор интерпретирует такие случаи как ограничение слогового принципа или отступление от него. В реальности мы имеем дело здесь с условиями, порождающими избирательность буквенных знаков, а следовательно, формирующими особый тип орфограмм, которые вслед за Л.В. Щербой можно назвать "графическими", ибо реализуются они именно там, где правила графики дают сбой. Неверная квалификация подобных написаний приводит к тому, что к ним приходится возвращаться еще раз – уже при описании орфографических правил (§ 15, п. 3; § 18). Поэтому же, очевидно, сдвигается обсуждение типологии буквенных орфограмм, а граница между собственно орфографическим и неорфографическим оказывается все-таки зыбкой. Последняя проблема предполагает более системное рассмотрение "неорфографических ошибок", лишь пунктирно намеченное во введении (с. 8–9).

Содержательная четвертая глава, на наш взгляд, заметно выиграла бы, если бы идея о трех типах написаний – проверяемых, беспроверочных и непроверяемых – была бы проведена в ней последовательно и эксплицитно.

Ратуя за более системное и скоординированное рассмотрение базовых понятий графики и орфографии, мы отчетливо осознаем, что такой подход в немалой степени стимулируется именно работами В.Ф. Ивановой и что ее последняя монография — еще один заметный шаг в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова В.Ф., Осипов В.И.* Принципы орфографии и их педагогическое значение // РЯШ. 1991. № 5.
2. *Иванова В.Ф.* Актуальные проблемы русской орфографии // РЯШ. 1991. № 1.

В.Ф. Мейеров